

ЗВЕРИНЕЦ

Начало презентации задерживалось уже на двадцать минут. Раздосадованный Бехтерев отчаянно тянул время, надеясь, что вот-вот подъедет фургон телестудии и взволнованная стройная девушка, как в кино, станет записывать стендап на фоне сваренной из арматуры клетки. Хотелось огласки, съемочной группы Первого канала, топовых блогеров... а жестокая реальность преподнесла ему женоподобного толстяка с блокнотиком и дешевой шариковой ручкой. Даже без фотоаппарата!

Два дня назад Бехтерев разослал пресс-релизы и лично обзвонил редакторов всех телеканалов, радиостанций, новостных сайтов и газет, даже рекламных. И вот результат – вокруг клетки крутится верный Митяй с прилипшей к ладони VHS-камерой, да еще этот незнакомый дядька с телом глубоко беременной бабы. Невысокого роста головастик в полосатом костюме строгого кроя недовольно потирал пухлые наманикюренные ручки, явно теряя терпение.

– Ну что, долго еще? – глубокое контральто журналиста куда больше подошло бы какой-нибудь грудастой красавице. – Где ваш снежный человек?

Он взмахнул перед лицом Бехтерева смятым листочком пресс-релиза, многозначительно косясь на пустую клетку. Два квадратных метра пространства, ровно расчерченного рифлеными тенями прутьев. В высоту тоже два метра. Посередине — узкая дверца с мощными петлями, громадный навесной замок, для верности перекрученный тяжелой цепью. Окажись внутри пресловутый йети, нипочем бы ему не вырваться, но единственным пленником самодельной тюрьмы была причудливо изогнутая коряга, прислоненная к дальнему углу.

— Снежный человек, значит?

Недобро косясь на Митяя, Бехтерев скрипнул зубами. Тот попытался спрятаться за видеокamerой и оттуда залопотал, оправдываясь:

— Не, Степан Антоныч, а чо?! Ты в лесу пресухи устраиваешь, а Митяй — людей приведи?! Да если б я про снежного человека не написал, вообще бы хрен кто приехал! А так — хоть этот... — Митяй кивнул на медленно закипающего журналиста. — Все ж пресса!

«Всежпресса» такого издевательства не снесла. Со словами «Ну все, с меня довольно...» журналист картинно нахлобучил кепку и пошагал прочь, к служебной «Калине», ожидающей у края поляны. Бехтерев грозно обматюгал Митяя и, задавив остатки гордости, бросился следом. Хрен с ней, с гордостью, нарастет еще. А вот если сейчас не бухнуться обиженному журналисту в ножки, тогда неизвестно, когда представится следующий шанс. СМИ, даже самые неразборчивые и желтые, давно перестали обращать на «безумного охотника» внимание. А Бехтереву нужна была огласка. Именно сейчас. Ему нужен был этот

жеманный толстый чудик с глазами профессиональной ищейки.

— Постойте, прошу вас! — С трудом балансируя на осклизлой земле, Бехтерев догнал репортера и ухватил за локоть. — Да погодите же!

Тот неохотно остановился. Брезгливый взгляд прошелся по руке охотника, заставив Бехтерева устыдиться огрубевших пальцев, сбитых костяшек и давно не стриженных ногтей, улыбающихся черными каемками застарелой грязи. Он поспешно выпустил локоть.

— Вы простите Христа ради, уважаемый... э-э-э...

— Филипп Иванович, — снисходительно подсказал журналист. — Красовский.

Назвать этого холеного свиненка Филипика по имени-отчеству, да еще на «вы» или дать в зубы и послать куда подальше — вопрос даже не стоял. Еле живая гордость Бехтерева протестующе пискнула, когда на нее в очередной раз безжалостно наступили.

— Филипп Иванович, это Митяй все, самодеятель хренов, он же как лучше хотел! Нет здесь никакого снежного человека! Они здесь не водятся! Филипп Иванович, да остановитесь же вы наконец!

— А зачем? — глубокомысленно поинтересовалась удаляющаяся спина. — Снежного человека у вас нет...

— Так лешак-то есть!

Красовский остановился. В прищуренных голубых глазах, все еще недоверчиво-разочарованных, робко вспыхивали искорки зарождающегося интереса.

— Лешак! — Охотник поспешил раздуть слабые искорки до полноценных угольев. — Людей с пути сбивает, с ума сводит...

— Я прекрасно осведомлен, что значит «лешак», — перебил Красовский. — Вы мне сейчас на голубом глазу заявляете, что вон то бревно в клетке — это он самый и есть? Лешак?

— Ага!

Выпалив это идиотское «ага!», Бехтерев застыл, покорно ожидая реакции. Он был готов ко всему. Что Красовский рассмеется ему в лицо, покрутит пальцем у виска или даже залепит пощечину — в то, что Филипок способен на нормальный мужской удар, охотник не верил, — но в конце любого из этих сценариев — уйдет. Уйдет, оставив его с придурковатым Митяем и девятнадцатью годами поисков, засад, надежд, разочарований и всеобщего недоверия. Но Красовский поправил кепку и бодро кивнул:

— Что ж, давайте посмотрим, если так...

Суетливый Митяй так и ждал у клетки, обзревая бревно через залапанный видеоискатель.

— ...Я тоже сперва не верил, пока Степан Антоныч его не растормошил. Шустрая тварь, что твоя ракета! Кэ-э-эк бросится! Я чуть штаны со страху не намочил! Вы не смотрите, что он с виду бревно бревном...

Бехтерев поднял с земли длинную жердь, увенчанную на конце здоровенным, в полтора пальца, гвоздем, перепачканным заводской смазкой.

— Бревно — это не просто так. Внешний вид лешака — продукт тысячелетней эволюции, выработанный для охоты и безопасности. «Лешак колобродит» — слышали такое выражение? Самая распространенная история от лесных потеряшек: заблудился человек, идет-идет, выход ищет — видит, уж больно бревно знакомое! И тут же понимает, что мимо этого бревна уже раз пять прошел. Вот

тогда наш потеряшка понимает, что все это время круги вокруг одного места нарезал. А на деле...

— А на деле? — повторил заинтересованный Красовский.

— Большая часть таких историй заканчивается тем, что потеряшка внезапно выходит-таки к людям. Хотя бревно говорило о том, что он все время топтался на месте. Кто с лесом накоротке не знаком, тому все кусты одинаковыми кажутся. А бревно — оно ж приметное, сразу в память западает. Вот и кажется человеку, будто кружит его какая-то сила, выйти из лесу не дает. А на самом деле это лешак идет за ним следом. Обгоняет и вновь на пути засаду устраивает. Решает, стоит нападать или нет. Лешак — тварюка осторожная.

— Так что, по-вашему получается, всем этим людям повезло? Встретились с лешаком и уцелели?

— Повезло как есть, — кивнул Бехтерев, осторожно просовывая жердь между прутьями. — Знали бы вы, сколько людей в лесах ежегодно без вести пропадает... Вы от клеточки-то отойдите...

Митяй торопливо отбежал в сторону. Филипок последовал его примеру, брезгливо изогнув пухлые губы.

— Северные народы считали, что лешаки живность пасут. Кнутаи якобы гоняют стаи волков, помогая им искать пропитание. Это не совсем так. Когда добычи на всех не хватает, лешак выдворяет со своей территории хищников. Не о них заботится, а о себе. Не перегоняет он их, а преследует. А вот про кнут почти правда...

Жердь с гвоздем зависла над бревном, точно журавль с непомерно длинной шеей.

— Давай, Степан Антоныч! — Митяй утопил затертую кнопку «гес».

Журавль с размаху клюнул бревно в какую-то, видимую только ему да человеку его направившему, точку. Едва лишь острие гвоздя коснулось ее, бревно «взорвалось». Наросты, сучки и то, что казалось обломанными ветками, сохранившими остатки листвы, вытянулись в стороны, хрустя высвобождающимися сочленениями. Из центра бревна вылетел гибкий жгут, со щелчком ударивший землю в двух шагах от перепуганного журналиста. Красовский отпрыгнул назад, причем не только умудрился удержаться на размытой земле, но даже принял некое подобие боевой стойки. Крутанувшись на месте, бревно мягко упало на многочисленные лапы, в беззвучном вопле раззявило дыру с острыми щепками зубов. По-паучьи перебирая отростками, существо сделало несколько кругов по стенам и потолку, после чего рухнуло посреди клетки.

— Класс, Степан Антоныч! — довольный Митяй оттопырил большой палец.— Отменная картинка получится!

Вытаскивая наружу обломанную жердь, Бехтерев внимательно следил за Красовским. Тот не выглядел удивленным или напуганным, и это вызывало смутное чувство тревоги, природу которого охотник объяснить не мог.

— Занятно,— кивнул журналист.

— Что, и все?! Просто занятно?! — Бехтерев не скрывал разочарования.

— Давно он у вас?

Раздражение в Бехтерева отчаянно боролось с желанием высказаться. Последнее победило за явным преимуществом.

— Я почти два года его выслеживал. Вернее, как... два сезона. Лешаки зимой в спячку впадают,

их тогда вообще от бревна не отличить. Под Брянском случай был, когда охотники зимой такое бревно в костер бросили. Благо не пострадал никто. Но тот мужик, у которого я историю эту записывал, до сих пор заикается. Так что, да, два сезона, с апреля по ноябрь примерно. Повадки изучал, все его тропки-дорожки выведывал, как живет, что жует... А последнюю неделю, уже после поимки, все искал, как его растормошить. Он же как понял, что попался, так сразу шлангом и прикинулся... бревном то есть. Ну а вашему брату ведь сенсаций подавай. Чтобы движение, понимаешь... а тут... расстройство сплошное, а не сенсация... так что я...

Вид безучастной физиономии Красовского окончательно сбил Бехтерева с мысли, и завершил он невпопад:

— Так из какой вы газеты, говорите?

— Я разве сказал, что я из газеты? — делано изумился Филипок.

— А как же тогда... — промямлил Бехтерев.

Все в корреспонденте теперь казалось ему подозрительным — и блуждающая улыбочка, и цепкий взгляд, проникающий, кажется, до самого скелета, и даже то, как он смял кепку в кулаке.

«Ударит,— ни с того ни с сего промелькнула мысль,— отвлечет внимание и ударит».

Сразу стало неуютно. Женоподобный толстячок начал внушать Степану если не страх, то серьезные опасения. Хотя какая там опасность? Как противник Филипок был — тьфу, плюнуть и расте...

— А это ничего, что ваш друг так близко к клетке ходит? — Пухлая рука вытянулась, указывая за спину охотника.

«Хочет, чтобы ты обернулся! — панически взвизгнул внутренний голос.— Чтобы удобнее, прямо в висок, чтобы насмерть!»

Шейные суставы скрипнули. «Не смей!» — сигнальным огнем вспыхнуло в мозгу, но было уже поздно. Охотник смотрел, как вокруг ржавых прутьев, едва не залезая внутрь, восторженно скачет увлеченный съемкой Митяй. Время текло невыносимо медленно, и Бехтерев не сразу осознал, что никто не бьет его в незащитный висок. По шее и щекам медленно поползла краска стыда. Чтобы хоть как-то замаскировать глупый испуг, Бехтерев начал забалтывать толстяка.

— Да вы не волнуйтесь! Я ж говорю, лешак — тварюка осторожная. На самом деле на людей они нечасто нападают. А что он по клетке скакал, так это... когда гвоздем, да в причинное место — еще не так заскачешь...

Повернувшись, охотник понял, что удар он все же пропустил. Похоже, еще в самом начале встречи. Гораздо серьезней и опасней, чем просто кулаком в висок. Не сводя с него пристального взгляда, Красовский разговаривал по сотовому. Негромко, но достаточно, чтобы Степан услышал, а услышав — похолодел.

— ...да, и Гузеева со спецтранспортом сюда, живо.

Голос Филипка изменился, стал безэмоциональным, пустым. Рабочим.

— Подтверждаю, реликтовое существо, по классификации Бэ-Ха двести — двести тридцать, если глаза мне не врут... Что за идиотские вопросы? Конечно, со средствами защиты — Бэ-Ха же!

— А вы не суетитесь, гражданин Бехтерев,— бросил он Степану.

Сказал между делом, но так, что сразу стало понятно — лишние слова и телодвижения ни к чему. Без них ясно — его сенсацию, его звездный час, его законную добычу сейчас нагло, но уверенно изымут. Составят протокол, заставят подписать какую-нибудь бумагу о неразглашении... быть может, даже заплатят, чтобы молчалось лучше. А после увезут и спрячут за семью печатями реальное подтверждение того, что все потраченные годы, принесенные жертвы и пережитые насмешки — не зря. Бехтереву хотелось залепить Красовскому в ухо... очень хотелось. Но сил в себе он не чувствовал. Руки безвольными тряпками повисли вдоль тела, а глаза безучастно наблюдали, как поляну заполняют невесть откуда взявшиеся рослые молодцы в камуфляже.

Они работали молча, слаженной деловитостью напоминая андроидов из старых фильмов про космос. Добавляя картине фантастичности, из леса выехал необычного вида фургон — черный! конечно же, черный! — похожий на бронированную грузовую «Газель». Видимо, тот самый «спецтранспорт». Филипок расхаживал вокруг клетки с видом Наполеона, коротко отдавая приказы.

Все закончилось нереально быстро. Клетка с лешаком исчезла в черной утробе «бронегазели», и машина, тяжело переваливаясь на кочках, поползла обратно. Следом за ней потекли молчаливые камуфляжные «андроиды», уже успевшие все измерить, сфотографировать и отснять на видео. Спустя несколько минут ничего не напоминало о недолгом триумфе Бехтерева. Исчезли даже обломки жерди с гвоздем, заботливо упакованные в прозрачный пластик равнодушными профессиональными руками. Никто не подсунул

охотнику ни денег, ни бумаги с грифом «совершенно секретно». Его вообще не заметили, точно он — пустое место... Степан и сам чувствовал себя опустошенным. Выпотрошенной рыбой. Вот только его безжалостно лишили не внутренних, а мечты. Ненавистный Филипок остановился у служебного авто.

— Степан Антонович, вы едете?

— Что вам еще от меня надо? — Бехтерев сам поразился бесконечной усталости, наполнившей голос. — Пытать будете?

— Дам ответы на интересующие вас вопросы. У вас наверняка ко мне куча вопросов, верно? Ну так что? Второй раз не предлагаю...

Рука Красовского приглашающе указала на открытый салон, и охотник решил. Он забился на заднее сиденье заляпанной грязью «Калины», рядом с Красовским, как бы ни было ему неприятно такое соседство. Потому что желание узнать ответы перевешивало все возможные неудобства. Стоя посреди истоптанной опустевшей поляны, Митяй ошалело смотрел им вслед.

В салоне было просторно, но Бехтерев постарался максимально отодвинуться от Филипка — задевая «журналиста», он чувствовал себя, словно вляпался в дерьмо.

— Что с Митяем делать будете?

— О нем позаботятся наши специалисты, — туманно ответил Филипок. — Вы, кстати, знаете, что камера у него уже лет пять как нерабочая? Там даже кассеты нет.

— Знаю. У Митяя давно с головой непорядок. Тут в другом вопрос — вам-то об этом откуда известно?

Поджав губы, «журналист» долго буравил Бехтерева голубыми глазами и, наконец что-то решив про себя, сменил линию поведения.

— Как-то у нас с вами не заладилось. Предлагаю начать с чистого листа и еще разок познакомиться. Моя фамилия действительно Красовский. И звать меня на самом деле Филипп Иванович. Только я не журналист, а полковник... эм-м-м... правительственной организации, о которой обычным людям знать необязательно.

— Секреты секретничаем? — недовольно пробурчал охотник. — Ладно, дело ваше. А мне скрывать нечего. Зовут меня Степа, фамилия моя...

— Бехтерев, Степан Антонович, одна тысяча девятьсот шестьдесят первого года рождения, — отбарабанил новоявленный полковник. — Образование педагогическое, высшее. Разведен. Детей нет. За минувшие пятнадцать лет около тридцати раз менял место жительства. Последнее место работы — Пушкинский лицей города Сумеречи. Уволен по собственному желанию...

— Вас и такое запоминать заставляют? — вяло удивился Бехтерев.

— Профессиональная привычка. Я про вас знаю абсолютно все. Даже то, что из лицея вас собирались уволить за прогулы.

— Это ради науки! — Уши Бехтерева запылали. — Я же не пьянствовал! Я криптид ловил!

— И это знаем. Именно благодаря вашим феноменальным успехам на этом поприще мы с вами сейчас и разговариваем.

— Да какие там успехи,— забывшись, Бехтерев едва не сплюнул под ноги.— За двадцать лет одного лешака поймал, и того ваши архаровцы отняли.

— Не скажите! На сегодняшний день на вашем счету двенадцать пойманных криптид. Это не считая лешака. И еще примерно столько же обнаруженных, но упущенных. Ну, что-то вроде вашего первого трофея.

Глаза Бехтерева округлились от удивления, а сволочуга Филипок знай себе улыбался, точно обожравшийся сметаны котяра.

— Свежи воспоминания, да? И у меня свежи — будто вчера было. Я тогда простым аналитиком служил. Вашего «волка» спецгруппа из десяти человек разрабатывала. Опытные сотрудники, снаряжение по последнему слову техники — тепловизоры, спутники, транквилизаторы, все дела... Год — го-о-од! — ловили! А потом пришли вы. С сетью и ржавым капканом...

Прошлое, старательно подавляемое все эти годы, вскрылось болезненным фурункулом. Слова полковника, оброненные мимоходом, полностью переворачивали мир Бехтерева. Старый промах, постыдный, унижительный, спустя годы оборачивался триумфом. Заныло в груди, и руки мелко затряслись от тени давнишнего страха. Вспомнилось, как, потеряв фонарик, бежал сквозь ночь, лишь благодаря свету низко висящей луны уворачиваясь от деревьев. Широко раскрытый рот судорожно глотал стылый ночной воздух, заплетались ватные ноги; разрывая грудь, колотилось испуганное сердце. А за спиной ревел, бесновался, пытаясь разорвать прочнейшую сеть, кто-то голодный, свирепый, с пылающими желтизной глазами-фарами. И только одна мысль не давала

упасть, как на крыльях переноса через предательские кочки и поваленные деревья: он нашел! он поймал! есть доказательство! Впрочем, была и другая причина бежать что есть мочи. Очень уж жить хотелось...

Будто в другом мире случилось серое промозглое утро. И расчерченный сплетенными за ночь серебряными нитями паутины воздух — такой нездешний, такой нереальный. Хлюпала болотная жижа в высоких сапогах, противно ныли натруженные мышцы ног. Тряслась в руках старенькая двустволка, наведенная на скрюченное бледное тело, жалкое, беспомощное, тщетно пытающееся содрать с перебитой ноги стальные челюсти капкана.

Следующий месяц пролетел как в тумане. Громкое судебное разбирательство. Заголовки в местных и областных газетах — «Школьный учитель расставлял капканы на оборотней». Насмешки. Косые взгляды. Стыд, едкий, жгучий, точно спирт, которым он заливал досадный промах. Ловил волколака, а поймал электрика из ЖЭУ, тля зеленая! Повезло, адвокат попался ушлый. Сумел не только дело замять, но едва-едва не выставил жертвой самого Бехтерева. Спустя пару месяцев история забылась, затерлась в памяти человеческой, уступила место новым сенсациям и громким разоблачениям, однако нет-нет да аукался тот бедолага электрик. Однажды очередное «Эй, а это не ты ли оборотней под Тавровым гонял?» переполнило чашу терпения, и Бехтерев впервые в жизни сменил работу, а с ней и место жительства. Так началась нескончаемая череда переездов, съемных квартир и комнатушек, новых размашистых записей в трудовой книжке, коротких знакомств